

Крестьянские прошения в России первой четверти XIX века: реакция власти в поисках решения крепостного вопроса

Д. В. Тимофеев

доктор исторических наук, заведующий центром социальной истории,
Институт истории и археологии, Уральское отделение Российской Академии наук.
Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0002-6578-8762. SCOPUS Author ID: 55676146900.
Researcher ID: Q-2287-2015. E-mail: dmitrtim@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования одного из малоизученных аспектов взаимодействия властных институтов и российских крестьян в первые десятилетия XIX в. – практики рассмотрения дел по прошениям крестьян «о свободе из владения». В первой части статьи проведен анализ обстоятельств и правовых оснований для обращения с такого рода прошениями, порядок их рассмотрения. Сопоставление комплекса документов, возникших при рассмотрении частных прошений в губернских учреждениях, Сенате и Комиссии составления законов, позволило выявить содержание и направленность аргументации участников обсуждения проблемы целесообразности корректировки действовавшего законодательства. Одной из таких проблем были выявленные пробелы в российских законах в части выявленной практики ограничений перехода прав на владение крепостными к лицам недворянского происхождения. Этот запрет в первой четверти XIX в. трактовался как превентивная мера, позволявшая уменьшить количество случаев жестокого обращения с крестьянами и дворовыми людьми. На примере разбирательств по конкретным делам выявлено, что несмотря на действия правительства, помещики продолжали отдавать крестьян в услужение, учение или работу по верующим письмам с правом наказания или даже продажи крепостных людей. Во второй половине царствования императора Александра I в правительственных кругах были сформулированы аргументы, посредством которых обосновывалась необходимость запрета перехода крестьян в зависимость от разночинцев купцов, ремесленников и священнослужителей. Одновременно с воспроизводством уже традиционных рассуждений о недопустимости и с юридической, и с морально-нравственной точек зрения применения насилия в отношении крестьян недворянами, использовались аргументы финансово-экономического порядка. Аналогичные аргументы приводились и в различных проектах постепенного смягчения и крепостного права посредством перехода на обязательные как для помещиков, так и для крестьян договорные отношения. В завершении статьи делается вывод о том, что обращения крестьян во властные структуры, даже в условиях крепостного права, были важным элементом информационного взаимодействия власти и подданных.

Ключевые слова: крепостное право, крестьянский вопрос, государственный совет, реформы в России XIX в., законодательство о крестьянах.

Одним из важных аспектов изучения общественного сознания России первой половины XIX в., позволяющим выявить представления современников о наиболее приемлемых моделях и границах социальных взаимодействий, является анализ аргументации, используемой в процессе рассмотрения прошений об освобождении крепостных крестьян. При таком подходе первоочередной задачей исследователя становится не выявление экономических, политических или иных факторов, обусловивших решение по конкретному делу, а то, каким образом и с помощью каких аргументов противоборствующие стороны отстаивали свои позиции, какие риторические приемы они считали наиболее действенными для достижения поставленных целей.

Вопреки распространенному утверждению о том, что крестьянам было запрещено жаловаться на помещиков, обращения такого рода не противоречили указам 3 (12) июня 1762 г., 19 января 1765 г. и 2 августа 1767 г., которые строжайше запрещали подавать жалобы лично в руки монарха, «...минуя надлежащие присутственные места». О том, что была практика

подачи прошений в различные властные структуры подданными «нижнего состояния», свидетельствуют фонды «Сенаторских губернских ревизий» и «Общего департамента Министерства внутренних дел» РГИА. Принятые к рассмотрению прошения порождали комплекс сопроводительных документов, предписаний и материалов расследования, решений судов и местной администрации. В отдельных случаях разбирательство по делам такого рода в Комитете министров, Сенате, Государственном Совете или «Комиссии составления законов» увенчивалось появлением проекта «искоренения помещичьих злоупотреблений» и изданием нового указа.

Яркой иллюстрацией понимания высокопоставленными чиновниками необходимости реагировать на многочисленные обращения крестьян является составленный в результате обсуждения в Сенате и Государственном Совете указ 21 сентября 1815 г. «О законах, коими должно руководствоваться при решении дел о людях, отыскивающих свободу из помещичьего владения» [2, т. 33, с. 283–289]. Со ссылкой на высочайше утвержденный доклад Общего собрания Санкт-Петербургских департаментов Сената были изложены правила рассмотрения дел о людях, «отыскивающих свободу из помещичьего владения». В этом документе впервые был обозначен не только комплекс законодательных актов, которые регламентировали процедуру рассмотрения подобного рода прошений, но и перечислены различия юридических оснований для различных регионов Российской империи.

В частности, утверждалось, что для «губерний Великороссийских» следовало руководствоваться указом 13 мая 1754 г., по которому претендовать на освобождение могли крестьяне и дворовые люди, незаписанные в первые две ревизии 1719 и 1744 гг., а также и те, кто был закрепощен после указов 20 июля 1781 г. и 20 октября 1783 г. [2, т. 33, с. 284]. Особо оговаривалось, что «о вольности» должны были ранее просить «отцы или деды», а освобождаемых по данному основанию крестьян следовало «обращать в казенное ведомство». В отношении «малороссиян, поселившихся на помещичьих землях в губерниях Великороссийских» было предписано принимать решение, опираясь на статью 2 указа 3 мая 1783 г. и запись ревизии 1782 г. Отдельными пунктами указа говорилось: а) «о людях, вывезенных в Россию или взятых в плен из разных наций» (предоставление им свободы было возможно на основании указа 28 июля 1781 г. и 20 декабря 1784 г.); б) о солдатских детях, прижитых по отставке отцов от службы, незаконнорожденных от женщин, принадлежащих казенному ведомству; в) о подкидышах и не помнящих родства; г) о «вдовах и девках мещанских и других свободного звания людях», вышедших замуж за крепостных людей, а после их смерти подавших прошение о свободе; д) о крепостных крестьянах, женившихся на воспитанницах мещанского училища; е) о заштатных церковниках, приписанных к казенным селениям, которые позднее по «Всемилощивейшему пожалованию» были переданы во владение помещику.

Особое внимание в указе уделялось «губерниям Полуденным» (Екатеринославская, Кавказская губернии, область Таврическая, Тамань и Донская область), Малороссийским губерниям и губерниям «от Польши присоединенным». В первой группе губерний для предотвращения самовольного перехода поселян с места на место и побегов крестьян было установлено правило: просители не могут быть «изъяты из помещичьего владения» за исключением случаев «подложной» или «заочной записи» за помещиком. Перечисление юридических оснований предоставления свободы в Малороссии сопровождалось кратким историческим очерком о вольности казаков и указанием на условие предоставления свободы: просители должны были доказать свое казачье происхождение. При решении дел о предоставлении свободы в губерниях, от Польши присоединенных, предписывалось руководствоваться высочайше подтвержденными докладами 18 июня 1779 г., 20 ноября 1808 г. и указом 9 апреля 1806 г. [2, т. 33, с. 283–289].

Таким образом, как следует из текста указа 21 сентября 1815 г., крепостные крестьяне и дворовые люди имели ряд формальных оснований подавать прошения о предоставлении свободы из владения помещика. Проведенный анализ крестьянских прошений показал, что на практике поводом для обращения были различные обстоятельства: жестокое обращение; неспособность помещика прокормить крестьян в неурожайные годы; жалобы на разорение имения после смерти помещика и передачи крестьян новым владельцам, наследственные права которых оспаривались в судебном порядке; в связи с отказом помещика исполнять подписанный ранее договор о переводе их в «свободные хлебопашцы» и проч. [6, с. 79–90].

В первой четверти XIX в. количественно увеличивается еще одна группа прошений – «об отыскании свободы из рабства» от дворовых людей и крестьян, находившихся в распоряжении лиц недворянского происхождения. Фактическое закрепощение крестьян недворянами

происходило в результате «отдачи» помещиком людей в «услужение» или «учение» по так называемым верующим письмам. Фактически под видом временного перевода в таких случаях совершалась незаконная продажа крестьянина или дворового человека.

Нарушения лицами недворянского происхождения запрета владеть крепостными крестьянами вызывали негативную реакцию власти. Например, 20 мая 1812 г. высочайше утвержденным мнением Государственного Совета помещикам было запрещено выдавать верующие письма, в которых доверителю недворянину разрешалось продавать людей поодиночке и без земли. 23 октября 1816 г. император утвердил мнение Государственного Совета¹ «О мерах к прекращению злоупотреблений по предмету укрепления крестьян разночинцами и прочими, дворянского права не имеющими лицами, по верующим письмам» [2, т. 33, с. 1056–1057]. В нем объявлялось, что все существовавшие до издания этого указа письма, выданные лицам недворянского происхождения, должны быть уничтожены в срок не позднее одного года для помещиков, проживающих в России, и двух лет – для тех, кто находился за границей; если же выданные ранее письма своевременно не будут уничтожены, что крестьянам или дворовым людям предоставлялась личная свобода и право записаться в другое состояние. После уничтожения доверенностей разрешалось заключать новые условия, но уже в строгом соответствии с правилами, изложенными в указе.

В действительности данный указ мало что изменил в характере взаимоотношений крестьян с помещиками и держателями верующих писем. В ряде случаев крестьянин, десятилетиями находившийся во владении недворянина, полностью утрачивал какую-либо связь с законным владельцем. Считая, что разночинец, купец или священнослужитель удерживал его незаконно, он подавал прошение об отыскании «свободы из рабства» [3, л. 5]. Если прошение не противоречило действующему законодательству, то разбирательство не вызывало у местных чиновников особого затруднения. Более сложными были случаи, когда при рассмотрении прошения выдвигались противоречивые трактовки норм закона чиновниками губернского и имперского уровней. Порой возникали дела, решения по которым оспаривались как крестьянами, так и помещиками. При таком развитии событий чиновники и заинтересованные стороны тяжбы обращались в вышестоящие инстанции, участниками обсуждения становились сенаторы, министры и члены Государственного Совета.

Показательным примером является дело по прошению крестьянина Тимофеева, «ищущего вольности из владения помещика А. Мещеринова» [4, л. 6]. Решением от 30 января 1800 г. Кирсановского уездного суда крестьянин был объявлен свободным и 2 декабря 1801 г. записан в мещанское состояние. Но его помещик подал апелляцию на это решение уездного суда в Тамбовскую Палату гражданского суда, которая, не имея информации о записи крестьянина в мещанство, предписала ему «остаться за помещиком». Однако, как следует из материалов дела, решение исполнено не было. Об этом свидетельствуют составленные в 1810 г. два постановления II департамента Сената. В первом из них департамент подтверждал решение Тамбовской Палаты о возвращении крестьянина во владение помещика, а во втором, «...когда открылось, что Тимофеев записан в мещанство <...>, оставил с семейством его в прежнем состоянии» [4, л. 9, 24]. Многолетнее разбирательство закончилось предоставлением крестьянину свободы.

В условиях существования в России прецедентной системы права подобного рода дела нередко становились поводом для постановки вопроса об устранении выявленных противоречий и пробелов в действовавшем законодательстве. Например, через 12 лет после вынесения решения (в декабре 1822 г.) материалы по делу крестьянина Тимофеева были направлены в «Совет комиссии составления законов» для подготовки заключения о целесообразности утверждения единых правил рассмотрения «прошений об отыскании свободы из владения помещиков». Участники обсуждения признавали, с одной стороны, «...что никакое решение низшего суда нельзя почитать окончательным, когда законом дозволяется на него апелляция», следовательно, помещик имел право вернуть принадлежавшего ему ранее работника. С другой стороны, ссылаясь на манифест 14 марта 1775 г. и указ 27 сентября 1815 г., члены комиссии подчеркивали: «...получивший однажды свободу, на основании наших законов, не может уже терять оную» и уточняли, что в подобных случаях крестьянин «должен быть отпускаем по паспорту для прокормления, как и прочие люди свободного состояния» [4, л. 26,

¹ Данный вопрос рассматривался в департаменте законов Государственного Совета 09.07.1815, 01.11.1815 и 28.05.1816 [1, с. 253–257].

296–30]. Одновременно был сформулирован ответ на принципиально важный вопрос: кто именно, помещик или крестьянин, должен выплачивать подушную подать до вынесения окончательного решения по делу в Сенате? В результате обсуждения в Общем собрании Государственного совета и в Общем собрании Санкт-Петербургских департаментов Правительствующего Сената был составлен проект указа. Позднее он, наряду с материалами по аналогичным делам, использовался при подготовке указа от 31 мая 1824 г., вводившим правило: если помещик заблаговременно (не позднее 1 месяца) не заявлял о несогласии с решением Губернского правления, крестьянин объявлялся «вечно свободным» и самостоятельно выплачивал подушную подать. Если бывший владелец в течение года подавал апелляцию в Сенат, то крестьянин, сохраняя право выбора места жительства и «рода занятий», получал до вынесения окончательного решения по его делу в Сенате статус «временно свободного». В таком случае финансовое бремя выплат в казну на протяжении всего периода рассмотрения дела возлагалось на помещика [4, л. 48–48 об.; 9, с. 341–342]. Таким образом, первоначально инициированный по жалобе крестьянина вопрос стал поводом для корректировки законодательства и выработки официальной позиции власти для всех аналогичных случаев.

Еще одна попытка ограничить распространение практики подложной продажи крестьян недворянам предпринималась в 1823 г. 30 апреля Сенат опубликовал высочайше утвержденное 10 апреля мнение Государственного совета «О воспрещении разночинцам иметь в услужение дворовых людей и крестьян по верующим письмам их помещиков» [2, т. 38, с. 906–908]. В преамбуле указа была дана краткая предыстория рассмотрения вопроса, позволяющая реконструировать последовательность рассмотрения такого рода дел. Санкт-Петербургское губернское правление доводило до сведения Сената информацию «о разных дворовых людях, находящихся по контрактам и условиям во владении у разночинцев». В донесении констатировалось, что разночинцы, «...держа их в своем распоряжении и услугах, предъявляют данные от помещиков покормежные виды, плакатные паспорта, адресные билеты, верующие письма <...>, и наконец, заключенные с помещиками контракты на учение дворовых людей, имеющих от роду от 20 до 30 лет и более, мастерствам и хозяйственным занятиям, хотя сами ни в каком цехе не состоят» [2, т. 38, с. 907]. Последнее обстоятельство позволяло поставить под сомнение достоверность намерений как помещика, так и лица, к которому направлялся крестьянин или дворовой человек, и представить на рассмотрение Сената ряд вопросов. При этом в самой формулировке первого вопроса четко прослеживается негативное отношение к сложившейся практике незаконной эксплуатации крестьян: «должны ли оставаться в рабстве дворовые люди, на коих ныне предъявлены упомянутые сделки о державших их прежде по верующим письмам разночинцев, которые об уничтожении тех верующих писем в годовой срок не представили в судебное место доказательств?» [2, т. 38, с. 907]. Показательно, что положение крестьян, находившихся в полной личной зависимости от лиц недворянского происхождения, обозначалось понятием «рабство».

Не менее важными представляются формулировки второго и третьего вопросов. Содержательно в них было прописано предложение Санкт-Петербургского губернского правления разрешить временное пребывание «дворовых людей в учение не иному кому, как записанным в цех мастеровым» и законом установить предельный возраст такого рода учеников². Кроме этого, сенаторам предлагалось разрешить или запретить удовлетворение казенных и частных долгов помещика крепостными, находящимися по неуничтоженным в установленный срок верующим письмам. По итогам рассмотрения обозначенных вопросов в I департаменте и Общем собрании Сената было решено: 1) признать недействительными условия «на отдачу в учение» лицам, не записанным в цеховую управу, а уже «отданным людям» предоставлять свободу «избирать себе род жизни»; 2) лицам недворянского происхождения дозволялось «держат у себя в услугах отпускаемых по узаконенным видам людей и крестьян», но только на условиях найма, то есть с обязательной оплатой их труда; 3) при возмещении долговых обязательств не включать крепостных людей в счет долга, а предоставлять им свободу. По мнению членов комиссии составления законов, поддержанное и Сенатом, и Государственным Советом, для «отвращения злоупотреблений, кои, несмотря на все запретительные узаконения, доказываются примерами», необходимо ввести наказание для помещиков в виде денежного штрафа [2, т. 38, с. 907–908].

² Установление предельного возраста крепостных людей в учение Департамент Законов Государственного Совета и Сенат посчитал нецелесообразным [1, с. 518].

Однако намерение властей прекратить практику незаконной продажи крестьян лицам недворянского происхождения не привело к желаемому результату. Несмотря на угрозу штрафа в размере до 500 руб. с последующим принудительным освобождением работников, стремление владеть крепостными было сильнее установленных государством запретов. В ходе проведения сенаторских ревизий прошения дворовых людей и крестьян об отыскании свободы из владения разночинцев продолжали поступать. Например, сенаторам-ревизорам Вятской губернии А. Долгоруковым и Е. Дурасовым осенью 1824 г. было подано прошение дворовой девки Прасковьи Хромых, ищущей свободы из владения священнослужителя, в котором она жаловалась на решение губернского правления, отказавшего признать ее свободной. Из материалов расследования сенаторам стало известно, что просительница ранее принадлежала помещику Буткевичу, но была отдана им без составления какого-либо документа во владение купца Чарушина, который по истечении двух лет передал ее священнику Бердникову. После этого, по доверенности от помещика Буткевича, она была продана титулярным советником Красниковым жене прапорщика Шилова, которая через некоторое время также продала ее помещице Машковцевой. Такая сложная последовательность перехода дворовой девки от одного владельца к другому отражала лишь формальную сторону дела, так как все это время Прасковья Хромых продолжала жить в доме священника «без всякого акта» [5, л. 2–3 об.].

Изучив материалы прошения, ревизоры констатировали, что просительница «находилась во владении людей, не имеющих никакого права, проживала у них безо всяких актов», и способствовал этому «слабый надзор губернского начальства в наблюдении за точным соблюдением Высочайшей по сему предмету воли». Ссылаясь на указ 24 ноября 1816 г., они постановили: «...девке Хромых, обще с незаконно прижитыми ею детьми, предоставить свободу и право избрать род жизни по ея желанию..., а на виновных в неправильном владении ею и держании ее без пашпартов обратиться взыскание», а также объявить выговор Вятской градской полиции и губернскому правлению за «слабый надзор» [5, л. 4 об.]. Этим же постановлением было приказано обязать полицию принять меры к охранению дворовой девки Хромых до вынесения окончательного решения дела в Сенате [5, л. 6]. Ревизоры признали, что рассматриваемый случай не уникален, им известно «большое количество дел подобного рода, производящихся долговременно в уездных судах...» [5, л. 4 об.].

Логически продолжением попытки государства прекратить переход крепостных людей в личную зависимость различных категорий населения, не имевших права владения населенными землями, стало инициированное в процессе рассмотрения жалобы дворовой девки Авдотьи Ермолаевой на «жестокости и побои» от казанского мещанина Селезнева, жене которого она была отдана в услужение княгиней Болховской в 1817 г. Через два года пребывания в доме мещан Селезневых А. Ермолаева подала жалобу Казанскому Губернскому прокурору. Данное дело интересно тем, что оно содержит развернутую аргументацию против отдачи крепостных людей в услужение недворянам.

Члены Государственного Совета, признавая наличие у дворян права временно посылать своих людей для работы по контрактам, также поддерживали запрет на передачу крепостных в услужение разночинцам. При обосновании целесообразности запрещения подобной практики члены Государственного Совета отмечали, «...что таковое условие помещика с нанимателем его людей во услужение, не имеющим дворянского права, заключает в себе род кабалы, законами воспрещенной, и что под сим предлогом явно допускается нарушение закона, возбраняющего владеть крепостными людьми не имеющим на то права» [2, т. 39, с. 495]. Возможность неоднократного продления времени пребывания крестьян в услужении посредством периодического перезаключения договора, по мнению участников обсуждения, делала возможным нанимателю «...под видом временного владельца <...> оставаться таковым даже до самой смерти отданных в услужение ему людей». Было признано: «...под сим предлогом легко может скрываться даже и самая сделка в продаже оных, прикрытая только одной формою подобного условия» [2, т. 39, с. 495–496].

Дополнительными аргументами против сохранения права помещика отдавать крепостных людей в услужение недворянам были рассуждения финансово-экономического порядка, которые, по сути, воспроизводили привычные для обоснования многих решений, касавшихся изменения прав и обязанностей различных сословных и внутрисословных групп российского общества. Отмечалось, что, во-первых, при существующем порядке «...казна теряет доход, который она получает при выдаче паспортов рабочим людям», а во-вторых, при долговременном нахождении крестьян в услужении «могут произойти злоупотребления и притеснения

крепостным людям» и «даже укрепление их во вред свободному обращению работы, столь полезной для промышленности» [2, т. 39, с. 494]. В такой трактовке вводимый запрет должен был способствовать увеличению поступлений в государственный бюджет и развитию частной торговли, ремесленничества и небольших мануфактурных производств.

Следует отметить, что аналогичные аргументы высказывали в своих прошениях и проектах фабриканты и купцы, предлагавшие разрешить им (при сохранении всех прав и привилегий российского дворянства) приобретать населенные крестьянами земли. Авторы этих прошений обосновывали данную меру желанием улучшить положение крепостных людей, так как обязательным условием покупки населенных крестьянами земель было публичное и добровольное подписание договора. Согласованный при участии местных властей со всеми заинтересованными сторонами такой договор мог четко обозначить обязанности крестьян и порядок распределения между ними земельных участков. Были случаи, когда, основываясь на предложениях купечества, представители правящей элиты разрабатывали собственные проекты постепенного упразднения внеэкономической зависимости крепостных крестьян³.

Обращения российских подданных во властные структуры, вне зависимости от того, каким образом решалось конкретное дело, были действенным каналом обратной связи в системе управления как регионального, так и общероссийского уровня. В первой половине XIX в. одной из целей подобного информационного взаимодействия был поиск компромиссного решения крестьянского вопроса, при котором предоставление крепостным людям личной свободы не посягало бы на права частной собственности, одновременно минимизировало бы риск обострения социальных конфликтов.

Список литературы

1. Архив Государственного совета. Т. 4. Царствование императора Александра I. С 1810 по 19 ноября 1825 г. Журналы по делам департамента законов. СПб, 1874. С. 253–257, 516–520.
2. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. СПб., 1830. Т. 33. № 25.947. С. 283–289; № 26.469. С. 1056–1057; Т. 38. № 29.416. С. 906–908; Т. 39. № 29.935. С. 341–343; № 30.040. С. 493–496.
3. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1553. Оп. 1. Д. 177.
4. РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 763.
5. РГИА. Ф. 1554. Оп. 1. Д. 80.
6. Тимофеев Д. В. «Свобода» и «рабство» в крестьянских прошениях первой четверти XIX века // Вопросы истории. 2015. № 7. С. 79–90.
7. Тимофеев Д. В. Инструментализация понятия «свобода» в России первой четверти XIX века // Вестник Пермского университета. История. 2016. № 4(35). С. 44–52.
8. Тимофеев Д. В. Перспективы решения крепостного вопроса в России первой четверти XIX века в отражении недворянских проектов и слухов // MAGISTRA VITAE. 2017. № 2. С. 9–26.
9. Тимофеев Д. В. Теория и практика источниковедения в исследованиях по истории крестьянского вопроса в России первой четверти XIX века // Мир историка и пространство истории : сборник статей к юбилею профессора Н. Н. Алеврас. Челябинск : Энциклопедия, 2018. С. 259–274.

Peasant petitions in Russia in the first quarter of the XIX century: the reaction of the authorities in search of a solution to the serf issue

D. V. Timofeev

Doctor of Historical Sciences, Head of the Center for Social History,
Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0002-6578-8762. SCOPUS Author ID: 55676146900.
Researcher ID: Q-2287-2015. E-mail: dmitrtim@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of a study of one of the little-studied aspects of the interaction of government institutions and Russian peasants in the first decades of the XIX century – the practice of considering cases on petitions of peasants "for freedom from possession". The first part of the article analyzes the circumstances and legal grounds for applying with such petitions, the procedure for their consideration. A comparison of the set of documents that arose during the consideration of private petitions in provincial institutions, the Senate and the Law Drafting Commission made it possible to identify the content and direction of the

³ См. подробнее, например, проект купца, коммерц-советника Ольхина и проект министра внутренних дел О. П. Козодавлева [7, с. 49–50].

argumentation of the participants in the discussion of the expediency of adjusting the current legislation. One of such problems was the identified gaps in Russian laws regarding the revealed practice of restrictions on the transfer of rights to own serfs to persons of non-noble origin. This prohibition in the first quarter of the XIX century. It was interpreted as a preventive measure that allowed to reduce the number of cases of ill-treatment of peasants and yard people. Based on the example of proceedings in specific cases, it was revealed that despite the actions of the government, landlords continued to give peasants into service, study or work according to letters of faith with the right to punish or even sell serfs. In the second half of the reign of Emperor Alexander I, arguments were formulated in government circles, through which the need to prohibit the transition of peasants to dependence on merchants, artisans and clergymen was justified. Simultaneously with the reproduction of the already traditional arguments about the inadmissibility, both from a legal and moral point of view, of the use of violence against peasants by non-nobles, arguments of the financial and economic order were used. Similar arguments were also given in various projects of gradual softening and serfdom by switching to contractual relations that are mandatory for both landlords and peasants. At the end of the article, it is concluded that the appeals of peasants to power structures, even in conditions of serfdom, were an important element of information interaction between the authorities and subjects.

Keywords: serfdom, peasant question, state Council, reforms in nineteenth-century Russia, legislation on peasants.

Rerences

1. *Arhiv Gosudarstvennogo Soveta* – Archive of the State Council. Vol. 4. The reign of Emperor Alexander I (from 1810 to November 19, 1825). Journals on the affairs of the Department of Laws. SPb. 1874. Pp. 253–257, 516–520.
2. Complete collection of laws of the Russian Empire from 1649. SPb. 1830. Vol. 33. No. 25.947. Pp. 283–289; No. 26.469. Pp. 1056–1057; Vol. 38. No. 29.416. Pp. 906–908; Vol. 39. No. 29.935. Pp. 341–343; No. 30.040. Pp. 493–496. (in Russ.)
3. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* – Russian state historical archive (RSHA). F. 1553. Inv. 1. File 177.
4. RSHA. F. 1260. Inv. 1. File 763.
5. RSHA. F. 1554. Inv. 1. File 80.
6. Timofeev D. V. "Svoboda" i "rabstvo" v krest'yanskikh prosheniyah pervoj chetverti XIX veka ["Freedom" and "slavery" in peasant petitions of the first quarter of the XIX century] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 2015. No. 7. Pp. 79–90.
7. Timofeev D. V. *Instrumentalizaciya ponyatiya "svoboda" v Rossii pervoj chetverti XIX veka* [Instrumentalization of the concept of "freedom" in Russia in the first quarter of the XIX century] // *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija* – Herald of Perm University. History. 2016. No. 4 (35). Pp. 44–52.
8. Timofeev D. V. *Perspektivy resheniya krest'yanov voprosa v Rossii pervoj chetverti XIX veka v otrazhenii nedvoryanskikh proektov i sluhov* [Prospects for solving the serf issue in Russia in the first quarter of the XIX century in the reflection of non-noble projects and rumors] // *MAGISTRA VITAE*. 2017. No. 2. Pp. 9–26.
9. Timofeev D. V. *Teoriya i praktika istochnikovedeniya v issledovaniyah po istorii krest'yanskogo voprosa v Rossii pervoj chetverti XIX veka* [Theory and practice of source studies in research on the history of the peasant question in Russia in the first quarter of the XIX century] // *Mir istorika i prostranstvo istorii : sbornik statej k jubileyu professora N. N. Alebras* – The world of the historian and the space of history : collection of articles for the anniversary of Professor N. N. Alebras. Chelyabinsk. Encyclopedia. 2018. Pp. 259–274.